

"REGIONAL SECURITY IN CENTRAL ASIA: THEORETICAL APPROACHES AND THE ROLE OF UZBEKISTAN IN SHAPING A SUSTAINABLE ARCHITECTURE"

Arslonqul Amonovich Kurbonov

Independent expert

e-mail: svdbhdhshsh@gmail.com

Tashkent, Uzbekistan

ABOUT ARTICLE

Key words: regional security, Uzbekistan, Central Asia, threats, international relations.

Received: 01.07.25

Accepted: 02.07.25

Published: 03.07.25

Abstract: This article provides a comprehensive analysis of regional security theories within the context of a turbulent international system and the growing geopolitical significance of Central Asia. Various paradigms are examined — from classical realism to the postcolonial approach. Particular attention is given to Uzbekistan as a key actor playing a stabilizing role in the Central Asian region. The phenomenon of desecuritization is discussed, along with Uzbekistan's strategic initiatives aimed at enhancing regional cooperation, trust, and resilience.

MARKAZIY OSIYODA MINTAQAVIY XAVFSIZLIK: NAZARIY YONDASHUVLAR VA BARQAROR ARXITEKTURA SHAKLLANTIRISHDA O'ZBEKISTONNING ROLI

Arslonqul Amonovich Qurbonov

Mustaqil izlanuvchi

e-mail: svdbhdhshsh@gmail.com

Toshkent, O'zbekiston

MAQOLA HAQIDA

Kalit soʻzlar: mintaqaviy xavfsizlik, O'zbekiston, Markaziy Osiyo, tahdidlar, xalqaro munosabatlar.

Annotatsiya: Mazkur maqolada xalqaro tizimdagi beqarorlik sharoitida mintaqaviy xavfsizlik nazariyalari va Markaziy Osiyoning ortib borayotgan geosiyosiy ahamiyati chuqur tahlil qilinadi. Klassik realizmdan tortib postkolonial yondashuvlargacha bo'lgan turli paradigmalarga e'tibor qaratilgan. Ayniqsa, O'zbekiston Markaziy Osiyo mintaqasida barqarorlikni ta'minlovchi asosiy ishtirokchi

sifatida alohida o'rganiladi. Maqolada "xavfsizlantirishdan chiqarish" (desekyuritizatsiya) fenomeni hamda O'zbekistonning mintaqaviy hamkorlik, ishonch va barqarorlikni mustahkamlash yo'lida ilgari surayotgan strategik tashabbuslari yoritilgan.

**«РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И РОЛЬ УЗБЕКИСТАНА В ФОРМИРОВАНИИ
УСТОЙЧИВОЙ АРХИТЕКТУРЫ»**

Арслонкул Амонович Курбонов

Независимый соискатель

e-mail: svdbhdhshsh@gmail.com

Тошкент, Узбекистан

О СТАТЬЕ

Ключевые слова: региональная безопасность, Узбекистан, Центральная Азия, угрозы, международные отношения

Аннотация: В материале проводится комплексный анализ теорий региональной безопасности в контексте турбулентной международной системы, а также возрастающей геополитической значимости Центральной Азии. Рассмотрены различные парадигмы — от классического реализма до постколониального подхода. Особое внимание уделяется Узбекистану как ключевому актору, играющему стабилизирующую роль в центрально-азиатском регионе. Рассматривается феномен десекьюритизации, а также стратегические инициативы Узбекистана в деле укрепления регионального сотрудничества, доверия и устойчивости.

Введение

Концепт региональной безопасности с конца XX века претерпел значительные трансформации в теоретическом и практическом измерениях. Его эволюция отражает переход от моноцентричной модели безопасности к более полицентричной и гибридной системе, в которой регионы играют более самостоятельную роль. На стыке безопасности и регионалистики формируется уникальное аналитическое пространство, где «регион» кроме исключительно географического, приобретает политико-идентификационное содержание.

Особенно остро проблема региональной безопасности стоит в Центральной Азии — пространстве, обладающем высокой степенью геополитической уязвимости и одновременно потенциалом для устойчивого развития. После распада СССР и появления новых независимых государств регион столкнулся с вызовами государственного

строительства, демаркации границ, дефицита институционального опыта и конкуренции внешних держав. В этом контексте необходимость выстраивания собственных региональных стратегий безопасности становится приоритетом.

Узбекистан, как одно из наиболее демографически и экономически мощных государств региона, постепенно трансформируется из объекта внешнего давления в активного инициатора регионального сближения и стабильности. Его внешнеполитический поворот к открытому и многовекторному взаимодействию отражает новую философию безопасности, ориентированную на десекьюритизацию и устойчивое сотрудничество.

Основная часть

В течении длительного периода времени безопасность в международных отношениях воспринималась преимущественно через призму военной угрозы и государственной уязвимости. Подобная модель разъяснения имела также в реалистической и неореалистической традициях, в которых государство является основным актором, а международная система по своей природе анархична и конфликтна.

С окончанием Холодной войны произошло смещение фокуса от исключительно военных аспектов к более широким категориям, включая экономические, экологические, гуманитарные и кибернетические вызовы. Это послужило основанием для развития более комплексных подходов, таких как теория комплексов региональной безопасности (ТКРБ)[1], предложенная Копенгагенской школой, и последующих направлений, включая критические и постструктуралистские теории.

Теория Б. Бузана и О. Вэвер предполагает[2], что регионы формируют относительно автономные системы угроз и не всегда зависят от глобальных факторов. Основная смысл ТКРБ[3] заключается в том, что безопасность в регионе помимо влияния, определяется также внутренними взаимосвязями, конфликтами и сотрудничеством.

Особую значимость приобретает концепт секьюритизации[4], при котором политические акторы конструируют угрозу через риторику, превращая определённую проблему (например, миграцию или нехватку воды) в объект национальной или региональной безопасности. В противовес этому развивается идея десекьюритизации, означающая снятия напряжённости и возвращения вопроса в зону политического или технического урегулирования.

Вместе с тем, альтернативными теоретическими парадигмами[5] являются:

Реализм и неореализм: Актуальны в объяснении военного баланса, соперничества великих держав (например, РФ, КНР, США в Центральной Азии), а также альянсной политики (ШОС, ОДКБ).

Либерализм: Предлагает рассматривать международные институты (например, СВМДА, ЕАЭС, ООН) как посредников стабильности, особенно в условиях экономической взаимозависимости и правовых рамок.

Конструктивизм: Обращает внимание на культурные и исторические коды, нормы, идентичности и нарративы, формирующие восприятие угроз и моделей взаимодействия.

Постколониальная теория: Освещает влияние наследия империй (в частности, советского) на современные границы, этнополитические конфликты и институциональные практики. Центральная Азия анализируется как постколониальный регион с остатками зависимости и стремлением к субъектности[6].

В виде таблицы, имеющие парадигмы можно представить следующим образом:

Теоретический подход	Основные положения	Актуальность для Центральной Азии	Примеры
Реализм	Государства действуют в условиях анархии, стремятся к выживанию и балансу сил	Обострение конкуренции между внешними державами (РФ, КНР, США); милитаризация границ	Присутствие военных баз, участие в ОДКБ
Либерализм	Международные институты способствуют сотрудничеству, нормы и права важны	Попытки институционализировать взаимодействие (ШОС, ООН, СВМДА), развитие экономической взаимозависимости	Инициативы по совместному водопользованию, торговые соглашения
Конструктивизм	Идентичности и идеи формируют восприятие угроз; нормы и дискурсы ключевые	Влияние исторического наследия, исламской культуры и постсоветской идентичности на восприятие безопасности	Дискурс «братских народов», совместные праздники, культурная дипломатия
Теория комплексов региональной	Регионы образуют автономные кластеры угроз и сотрудничества	Центральная Азия как самостоятельный кластер с внутренними и внешними конфликтами	Приграничные конфликты и усилия по демаркации,

безопасности (ТКРБ)		и попытками их решения	сотрудничество по Афганистану
Постколониальная теория	Влияние колониального прошлого на институциональ ные практики и политическую культуру	Последствия советской национальной политики, неравномерное развитие и зависимость от внешних центров	Этнополитически е споры, язык власти, модели управления
Критические теории (с включением феминистских и экологических)	Уязвимые группы, негосударственные акторы, экологическая справедливость	Женщины и молодёжь в зонах риска; уязвимость к климатическим изменениям	Водные конфликты, миграция из-за засух, гендерное неравенство в политике

Следует отметить, что Центральная Азия обладает уникальной спецификой: пересечение транспортных маршрутов, плотная концентрация ресурсов, этническое и религиозное многообразие, а также многовекторность внешней политики государств. Эти факторы превращают регион [7] в поле как возможностей, так и вызовов.

Вовлеченность стран Центральной Азии в региональные форматы и механизмы безопасности можно представить следующим образом:

Страна	Участие в ШОС	Участие в ОДКБ	Сотрудничество с ООН	Участие в борьбе с транснациональной преступностью	Особенности политики безопасности
Узбекистан	Полноправный член	Партнёр	Активное участие	Контртеррористические учения, борьба с наркооборотом, киберугрозами	Активная дипломатия, политика десекьюритизации, многовекторность, нейтралитет
Казахстан	Полноправный член	член	Активное участие	Борьба с терроризмом	Активная дипломатия

Кыргызская Республика	Полноправный член	член	Активное участие	Участие в совместных операциях ШОС, ОДКБ	Активная дипломатия
Таджикистан	Полноправный член	член	Активное участие	Высокий уровень угроз (Афганистан, экстремизм)	Фокус на военной компоненте безопасности
Туркменистан	Наблюдатель	Нет	Активное участие	Нейтральная позиция, ограниченное сотрудничество	Принцип нейтралитета, слабая интеграция

После 2016 года Узбекистан существенно активизировал свою региональную политику. Инициативы Ташкента выходят за рамки двусторонней дипломатии, ориентируясь на создание прочных механизмов многостороннего взаимодействия[8].

В категорию основных направлений внешнеполитической стратегии безопасности Узбекистана отнесены:

- Мирное урегулирование споров и демаркация границ;
 - Водно-энергетическая дипломатия — выработка справедливых механизмов совместного использования ресурсов;
 - Институциональная интеграция — участие в ШОС, СВМДА, ОИС, активизация сотрудничества с ООН, ЕС и другими организациями;
 - Противодействие транснациональным угрозам — взаимодействие за счет создания совместных центров по борьбе с экстремизмом, контрабандой, информационными атаками;
- Десекуритизация и культурная дипломатия — мягкая сила, продвижение общего историко-культурного наследия и академического обмена.

Более того, Узбекистан выступает зачастую инициатором регулярных региональных конференций (Центрально-азиатский экономический форум, Конференции по Афганистану и др.), что способствует институционализации доверия.

Следовательно, современный анализ региональной безопасности требует применения гибких и междисциплинарных методов: Качественные подходы: контент-анализ, кейс-стади, дискурс-анализ, интервью с экспертами; Количественные методы: построение индексов угроз, сравнительная статистика, пространственный анализ конфликтов; Смешанные модели: используются для верификации и прогнозирования степени устойчивости региона.

Заклучение

Региональная безопасность в Центральной Азии находится на этапе активного переформатирования и дальнейшего укрепления. Теоретическая эволюция от узконаправленного к многоуровневому подходу позволяет более точно отражать специфику региона. Узбекистан играет важную роль в этом процессе за счет предлагаемых своих моделей устойчивого и прагматичного регионализма, основанного на доверии, взаимоуважении и десекуритизации.

Концептуализация Центральной Азии как самостоятельного субъекта международных отношений требует переосмысления привычных теорий безопасности и расширения исследовательских горизонтов. Важно развивать собственные аналитические школы, базирующиеся на региональной специфике, и формировать гибкие инструменты оценки угроз и устойчивости.

Учитывая современные вызовы — от изменения климата до киберугроз требуется укрепление региональных платформ безопасности. Стратегическая роль Узбекистана в выстраивании архитектуры доверия и сотрудничества создаёт реальную возможность для формирования Центральной Азии как стабильного и влиятельного геополитического центра.

Список использованной литературы:

1. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kompleksov-regionalnoy-bezopasnosti-i-vostochnaya-aziya>
2. Regions and Powers: The Structure of International Security / Buzan B., Wæver O. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 566 p
3. The Regional Security Complex Theory and Energy Triangle of EU-Turkey-Russia // The Rest Journal. — 2024. — №1, <https://therestjournal.com/2024/01/31/the-regional-security-complex-theory-and-energy-triangle-of-eu-turkey-russia/>
4. Бузан Б., Вæвер О., де Вильд Я. Безопасность: Новая основа для анализа. — М.: Центр гуманитарных инициатив, 2009. — 352 с.
5. Методология исследований международных отношений и внешней политики. — ВШЭ, 2021, <https://www.hse.ru/edu/courses/375296636>
6. From State-Centric to Security Complexes: A Review of Regional Security Complex Theory in IR // Resolusi — Jurnal UNSIQ. — 2023
7. Regionalism and Constructivism: Gains and Promises // International Relations Journal. — 2023. — №2, <https://www.ir-journal.com/issues/theoretical-readings-in-international-relations/regionalism-and-constructivism-gains-and-promises>

8. CENTRAL ASIA AS A SECURITY COMPLEX: THEORY AND PRACTICE //

Central Asia and the Caucasus. — 2021. — T. 22, №4, <https://ca-c.org/index.php/cac/article/download/1540/1383/2781>